

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
АППЕРЦЕПЦИИ, САМОСОЗНАНИЯ
И СОЗНАНИЯ В КРИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ И. КАНТА**

И.Е. Андриянов¹

Кант не дает четких и ясных определений апперцепции, сознания, самосознания и повсеместно использует эти слова как синонимы, из-за чего возникает проблема соотношения этих способностей. Важность этой проблемы определяется колоссальной значимостью каждой из указанных способностей, в непосредственной связи с которыми Кантом формулируются ключевые задачи трансцендентальной философии. В первую очередь это обнаружение категорий рассудка и доказательство правомерности их использования, что усложняет разницу между изданиями «Критики чистого разума», касающаяся как аргументации в разделе о дедукции категорий, так и понимания Кантом апперцепции. Поэтому автор пытается выявить четкое назначение каждой из указанных способностей, а также установить их отношения друг с другом. Для этого он анализирует функциональные роли сознания, самосознания и апперцепции в решении главных задач первой «Критики». Показано, что сознание является рефлексивной познавательной способностью, которая открывает доступ к представлениям в нашей душе, позволяет их различать, а также приносить в них единство. Самосознание выступает способом функционирования сознания, который дает возможность исследовать три объекта сознания: внутренние и внешние представления в субъекте, синтетическую деятельность рассудка и нашу душу. Апперцепция является латинским аналогом понятия Selbstbewußtsein и направлена на исследование единства наших представлений. Так как Кант различает множество видов единства, имеются, соответственно, и разные

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
119192, Россия, Москва, Ломоносовский просп., д. 27.
Поступила в редакцию: 07.07.2019 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2020-3-2
© Андриянов И.Е., 2020

**THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP
BETWEEN APPERCEPTION,
SELF-CONSCIOUSNESS
AND CONSCIOUSNESS
IN KANT'S CRITICAL PHILOSOPHY**

I.E. Andriianov¹

Kant does not provide clear-cut definitions of apperception, consciousness, and self-consciousness and everywhere uses these terms as synonyms, which creates the problem of the relationship between these faculties. The importance of this problem stems from the colossal significance of each of the above-mentioned faculties which are intimately connected with Kant's formulation of the key tasks of transcendental philosophy. The prime task is to discover the categories of understanding and to prove the legitimacy of their use, a task that is further complicated by the difference between the editions of the Critique of Pure Reason in terms of the argumentation in the section on the deduction of categories and Kant's concept of apperception. Accordingly, the author seeks to clarify the purpose of each of the above-mentioned faculties and to establish their inter-relationship. To this end the author analyses the functional roles of consciousness, self-consciousness and apperception in solving the main tasks of the first Critique. It turns out that consciousness is a reflexive cognitive capacity which provides access to representations in our soul and allows us to distinguish them and to connect them. Self-consciousness is the mode of the functioning of consciousness which makes it possible to study three objects of consciousness: internal and external representations of the subject, the synthetic activity of understanding and our soul. Apperception is the Latin synonym of the concept of Selbstbewußtsein and is aimed at studying the unity of our representations. Because Kant distinguishes multiple kinds of

¹ Lomonosov Moscow State University.
27 bldg 4 Lomonosovsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia.
Received: 07.07.2019.
doi: 10.5922/0207-6918-2020-3-2
© Andriianov I.E., 2020

наименования апперцепции. Использование Кантом понятия *Apperzeption* в качестве аналога самосознания обусловлено тем, что он разрабатывает концепцию сознания в рамках лейбнице-вольфианской традиции.

Ключевые слова: Кант, рассудок, сознание, апперцепция, самосознание, трансцендентальная философия

Введение

Каким образом соотносятся ключевые для критической философии Канта познавательные способности: апперцепция, сознание и самосознание? С одной стороны, эти понятия играют важнейшую роль в трансцендентальной философии в целом, а с другой — страдают от недостатка ясности. Последняя особенность проявляется либо в перекрестных дефинициях, когда апперцепция, сознание и самосознание определяются друг через друга, либо в амбивалентных контекстах, из которых следуют разные значения данных способностей. Проясню обе ситуации на примерах.

В §16 раздела о дедукции категорий («Об изначально-синтетическом единстве апперцепции») Кант дает известную обрисовку понятия апперцепции: «Я называю его (отношение между многообразием в созерцании и «я мыслю». — И.А.) *чистой апперцепцией*... ведь оно есть... самосознание... Единство его я называю также *трансцендентальным* единством самосознания...» (В 132; Кант, 2006б, с. 203), то есть Кант ясно указывает на то, что апперцепцию следует понимать как самосознание. Но далее, буквально во втором абзаце того же параграфа, мы встречаем пассаж, в котором апперцепция рассматривается как сознание и даже как рассудок. Рассмотрим этот фрагмент: «Итак, лишь благодаря тому, что я могу связать многообразное данных представлений в *одном сознании*, имеется возможность того, чтобы я представлял себе *тождество сознания* в самих *этих представ-*

unity, there are different names for apperception. Kant uses the concept of *Apperzeption* as a synonym of self-consciousness because his concept of consciousness follows the Leibniz-Wolffian tradition.

Keywords: Kant, understanding, consciousness, apperception, self-consciousness, transcendental philosophy

Introduction

What is the inter-relationship between the cognitive faculties that are key to Kant's critical philosophy: apperception, consciousness and self-consciousness? On the one hand, these concepts play a crucial role in transcendental philosophy as a whole and on the other hand they are wanting in clarity. The latter feature is particularly manifest in cross-definitions when apperception, consciousness and self-consciousness are defined via one another, or in ambivalent contexts from which various meanings of these faculties emerge. Let me give examples of the each of the two situations.

In § 16 of the section on the deduction of categories ("On the original-synthetic unity of apperception") Kant offers his well-known explanation of the concept of apperception: "I call it [i.e. the relation between the manifold of intuition and 'I think' — I.A.] the *pure apperception*, [...] since it is [...] self-consciousness [...]. I also call its unity the *transcendental* unity of self-consciousness [...]" (KrV, B 132; Kant, 1998, pp. 246-247), i.e. Kant clearly indicates that apperception should be understood as self-consciousness. But further down, in fact in the second paragraph of the same section, we encounter a passage in which apperception is seen as consciousness and even understanding. Let us have a closer look at this fragment: "Therefore it is only because I can combine a manifold of given representations *in one consciousness* that it is possible for me to represent the *identity of the consciousness* in these

лениях; иными словами, *аналитическое* единство апперцепции возможно, только если предположить наличие некоторого *синтетического* единства апперцепции» (В 133; Кант, 2006б, с. 205). Внимательно проанализировав данный фрагмент, можно предположить тождество апперцепции и сознания, ведь Кант прямо связывает, во-первых, «тождество сознания» и «аналитическое единство апперцепции», а во-вторых, связь «представлений в одном сознании» и «синтетическое единство апперцепции». Данное соображение неоднократно подкрепляется по мере чтения раздела о трансцендентальной дедукции категорий. Мы встречаем очень схожие, возможно даже тождественные, понятия: «единство сознания» и «единство апперцепции», «синтетическое единство сознания» и «синтетическое единство апперцепции». Не опровергает наше рассуждение и первое издание «Критики чистого разума». Там Кант четко определяет апперцепцию через сознание: «Это чистое, изначальное, неизменное сознание я хочу назвать *трансцендентальной апперцепцией*» (А 107; Кант, 2006а, с. 157). Однако, если обратить внимание на известный комментарий, в котором Кант проясняет рассмотренный нами ранее пассаж (В 133; Кант, 2006б, с. 205), возникает путаница. Философ приходит к весьма нетривиальному заключению: «...синтетическое единство апперцепции есть высший пункт, с которым следует связывать все употребление рассудка, даже всю логику и вслед за ней трансцендентальную философию; более того, эта способность и есть сам рассудок» (В 134 Anm.; Кант, 2006б, с. 205 примеч.). Кант, как мы видим, отождествляет синтетическое единство апперцепции и способность мышления, еще больше обостряя нашу проблему.

Подобные, если не более серьезные, сложности нас ждут при анализе «сознания» и «самосознания». Во-первых, мы нигде не обнаружим однозначных и четких определений рассматриваемых понятий. Во-вторых, совсем не ясно, как соотносятся сознание и самосознание. Очень легко найти случаи их синонимич-

representations itself, i.e. the *analytical* unity of apperception is only possible under the presupposition of some *synthetic* one" (*KrV*, B 133; Kant, 1998, p. 247). An attentive analysis of this fragment suggests an identity of apperception and consciousness, for Kant directly connects, first, "identity of the consciousness" and "analytical unity of apperception", and second, the combination of "representations in one consciousness" and "synthetic unity of apperception". This judgment is repeatedly confirmed as we read the section on the transcendental deduction of categories. We come across very similar, perhaps even identical concepts: "unity of consciousness" and "unity of apperception", "synthetic unity of consciousness" and "synthetic unity of apperception". This argument is not even refuted by the first edition of the *Critique of Pure Reason*. In it, Kant defines apperception through consciousness: "This pure, original, unchanging consciousness I will now name *transcendental apperception*" (*KrV*, A 107; Kant, 1998, p. 232). However, confusion ensues if we pay attention to the well-known comment in which Kant explains the above passage (*KrV*, B 133; Kant, 1998, p. 247). The philosopher comes to a non-trivial conclusion: "[...] the synthetic unity of apperception is the highest point to which one must affix all use of the understanding, even the whole of logic and, after it, transcendental philosophy; indeed this faculty is the understanding itself" (*KrV*, B 134n; Kant, 1998, p. 247n). We see that Kant identifies synthetic unity of apperception and the faculty of thinking, thus compounding our problem.

No less serious complexities are in store for us when we come to analysing "consciousness" and "self-consciousness". First, we do not find any unambiguous and clear definitions of the concepts. Second, the relationship between consciousness and self-consciousness is anything but clear. Instances of the terms being

ного использования. Рассмотрим для примера следующий отрывок из раздела о дедукции категорий: «...они (многообразные представления созерцания. — И.А.) должны иметь возможность быть *связанными* в одном сознании, так как без этой связи через них ничто нельзя мыслить или познать, потому что в таком случае данные представления не имели бы общего акта апперцепции: *я мыслю* и в силу этого не связывались бы в одном самосознании» (В 137; Кант, 2006б, с. 209). Данный фрагмент со всей очевидностью демонстрирует тождество «одного сознания» и «одного самосознания». Немаловажен и другой момент. На страницах «Критики чистого разума» мы встречаем очень близкие к «самосознанию» понятия: «способность осознания себя» («das Vermögen sich bewusst zu werden», В 68; Кант, 2006б, с. 131), «осознание самого себя» («das Bewußtsein seiner selbst», В 158; Кант, 2006б, с. 233), «представление обо мне» («die Vorstellung meiner selbst», А 371; Кант, 2006а, с. 467) и др. Можно ли отождествлять приведенные понятия с самосознанием? В-третьих — и это, пожалуй, самая запутанная проблема, — Кант использует понятие «самосознание» в разных значениях², которые непросто выявить и соотнести друг с другом. Самосознание выступает у него как осознание априорного рассудочного синтеза (В 134; Кант, 2006б, с. 205), как осознание себя, нашего Я (В 405; Кант, 2006б, с. 517) и как осознание представлений во мне (А 370; Кант, 2006а, с. 465).

Итак, приведенные фрагменты кантовских текстов ясно показывают, что в использовании Кантом понятий «апперцепция», «самосознание» и «сознание» имеются существенные сложности³, выражающиеся в отсутствии четкости, однозначности и последовательности.

² О разных значениях понятия «самосознание» в трансцендентальной философии И. Канта см.: (Zöller, 2015a, S. 2070).

³ Терминологические сложности у Канта отмечают многие исследователи: К. Америкс (Ameriks, 2000a, p. 238), Э. Брук (Brook, 1994, p. 46), А.Н. Круглов (Круглов, 2005, с. 290) и др.

used synonymously can readily be found. Let us consider, for example, the following passage from the section on the deduction of categories: “[...] they must be capable of being *combined* in one consciousness; for without that nothing could be thought or cognised through them, since the given representations would not have in common the act of apperception, *I think*, and thereby would not be grasped together in a self-consciousness” (*KrV*, В 137; Kant, 1998, p. 249). In this fragment “one consciousness” and “a self-consciousness” are clearly identical. Another important consideration is that in the *Critique of Pure Reason* we encounter concepts that are very close to “self-consciousness”: “faculty for becoming conscious of oneself” (*KrV*, В 68; Kant, 1998, p. 189), “consciousness of oneself” (*KrV*, В 158; Kant, 1998, p. 260), “the representation of my Self” (*KrV*, А 371; Kant, 1998, p. 427), etc. Are these concepts identical to self-consciousness? Third — and this is perhaps the knottiest problem — Kant uses the term “self-consciousness” in various meanings² which are difficult to isolate and compare. Self-consciousness may refer to the consciousness of the synthesis of the understanding *a priori* (*KrV*, В 134; Kant, 1998, p. 247), as consciousness of oneself (*KrV*, В 405; Kant, 1998, p. 260) and consciousness of representations within me (*KrV*, А 370; Kant, 1998, p. 427).

The above fragments of Kant’s texts clearly reveal serious problems in Kant’s use of the terms “apperception,” “self-consciousness” and “consciousness”,³ i.e. a lack of clarity, univocity and consistency.

To solve the problem stated in the title of this article, the following questions need to be

² On the different meanings of the concept of self-consciousness in Kant’s transcendental philosophy see G. Zöller (2015a, p. 2070).

³ Many scholars have noted terminological problems with Kant: K. Ameriks (2000a, p. 238), A. Brook (1994, p. 46), A.N. Krouglov (2005, p. 290) and others.

Чтобы решить проблему, сформулированную в названии статьи, нужно найти ответы на следующие вопросы: (1) Что следует понимать под «апперцепцией», «самосознанием» и «сознанием»? (2) Являются ли понятия «апперцепция» (и ее возможные версии: «эмпирическая апперцепция», «чистая апперцепция» и «трансцендентальное единство апперцепции») и «самосознание» (и его версии: «эмпирическое самосознание», «чистое самосознание» или «трансцендентальное единство самосознания») тождественными по смыслу? В случае положительного ответа на последний вопрос необходимо объяснить использование Кантом разных терминов (*Apperzeption* и *Selbstbewußtsein*) для обозначения одной способности. Противоположный вывод также потребует разъяснения. Если понятия обозначают разное, почему Кант использует «апперцепцию» и «самосознание» как синонимы? Аналогичные трудности касаются пар «апперцепция» и «сознание», «сознание» и «самосознание». (3) Верно ли предположение о тождестве «апперцепции» (и ее соответствующих версий: «эмпирической апперцепции», «чистой апперцепции» и «трансцендентального единства апперцепции») и «сознания» (и его версий: «эмпирического сознания», «чистого сознания» и «трансцендентального сознания»)? (4) И наконец, как соотносятся сознание и самосознание, а также их модификации?

Подходы и методы исследования

В исследовательской литературе можно обнаружить три линии анализа указанных вопросов: проблемно-генетическую, контекстуально-историческую и проблемно-аналитическую. Первая исходит из изучения истоков проблем кантовской философии и оснований их решения. В нашем случае проблема соотношения апперцепции, самосознания и сознания является ключом к решению центральной проблемы всей кантовской философии — дедук-

answered: (1) What should be understood by “apperception”, “self-consciousness” and “consciousness”? (2) Are the terms “apperception” (and its possible versions: “empirical apperception”, “pure apperception” and “transcendental unity of apperception”) and “self-consciousness” (and its versions: “empirical self-consciousness”, “pure self-consciousness” or “transcendental unity of self-consciousness”) identical in meaning? In case of an affirmative answer to the last question it is necessary to explain Kant’s use of different terms (“*Apperzeption*” and “*Selbstbewußtsein*”) to denote one and the same faculty. The opposite conclusion would also call for a clarification. If the terms have different meanings why does Kant use “apperception” and “self-consciousness” as synonyms? Similar difficulties arise with regard to the pairs “apperception” and “consciousness”, “consciousness” and “self-consciousness”. (3) Is the assumption of the identity of “apperception” (and its variants: “empirical apperception”, “pure apperception” and “transcendental apperception”) and “consciousness” (and its variants: “empirical consciousness”, “pure consciousness” and “transcendental consciousness”) true? (4) And finally, what is the relationship between consciousness and self-consciousness and their modifications?

Approaches to and Methods of Research

The literature reveals three lines of research into the above issues: problem-genetic, contextual-historical and problem-analytical. The first proceeds from the study of the sources of the problems of Kant’s philosophy and grounds for their solution. In our case the problem of the relationship between apperception, self-consciousness and consciousness is the key to the solution of the central problem of Kant’s philosophy, i.e. the deduction of categories. Because Kant devoted a whole decade to de-

ции категорий. Поскольку разработке и осмыслению этой концепции Кант посвятил целое десятилетие, возникает естественное стремление, во-первых, понять генезис проблемы дедукции категорий в творчестве Канта, во-вторых, обнаружить истоки ее решения. Исследователи рассматриваемой линии (В.В. Васильев, П. Гайер, К. Серк-Ханссен и др.), как правило, сосредотачиваются на анализе рукописного наследия Канта, особенно серии заметок 1774–1775 гг. из «Дуйсбургского наследия» (AA 17, S. 643–674; Кант, 2000, с. 39–56). Именно здесь впервые появляется ключевой элемент в решении дедукции категорий – понятие апперцепции. До этого Кант не пытался решить задачи критики через единство нашего Я, которое можно обнаружить в апперцепции (см.: Васильев, 2010, с. 333; Guyer, 1987, p. 31–32; Serck-Hanssen, 2008, p. 141).

Контекстуально-историческая линия анализа предлагает не менее обоснованный плюс исследования. Многочисленные представители этого взгляда (В.В. Васильев, В.А. Жучков, Ф. Вундерlich, Ш. Хесбрюген-Вальтер и др.) отмечают важнейшую роль философских дискуссий того времени о сознании. Несмотря на революционность и новизну некоторых разработок Канта, следует признать, что рассматриваемые им проблемы и решения не возникли в философско-историческом вакууме. Это особенно касается его имплицитных и малоразработанных взглядов относительно понятий апперцепции, сознания и самосознания. Следовательно, есть резон как в исследовании контекста, в котором в XVIII в. формировались философско-психологические концепции, так и в обнаружении рецепции Кантом разработок его коллег. С этой точки зрения неразработанность его теории сознания вполне может объясняться тем, что он рассматривал традиционное учение о сознании, каким обнаружил его в вольфианской системе, достаточным и совместимым со своими критическими рассуждениями (Wunderlich, 2005, S. 1; Васильев, 2005, с. 240).

veloping and thinking about this concept the natural impulse is, first, to understand the genesis of the problem of the deduction of categories in Kant's work, and second, to find the sources of its solution. Those who pursue this line (Vadim V. Vasilyev, Paul Guyer, Camilla Serck-Hanssen and others), usually focus on Kant's manuscripts, especially the series of 1774–1775 notes from *Duisburg Nachlaß* (Refl 4672-4684, AA 17, pp. 643-674; Kant, 2005, pp. 153-257). It is there that the key element in the solution of the problem of deduction of categories – the concept of apperception – first appears. Previously, Kant did not attempt to solve the tasks of the *Critique* through the unity of our Self, which is found in apperception (cf. Vasilyev, 2010, p. 333; Guyer, 1987, pp. 31-32; Serck-Hanssen, 2008, p. 141).

The case for the contextual-historical line of analysis is no less valid. The numerous representatives of this trend (Vadim V. Vasilyev, Vladimir A. Zhuchkov, Falk Wunderlich, Stefan Heßbrüggen-Walter and others) note the very important role philosophical debates about consciousness played at the time. Although some of Kant's ideas were revolutionary and novel, one has to admit that the problems he considers and the solutions he offers did not arise in a philosophical-historical vacuum. This applies especially to his implicit and not sufficiently elucidated views concerning the concepts of apperception, consciousness and self-consciousness. Therefore, there is a reason both to study the context in which philosophical-psychological concepts were formed in the eighteenth century and to look at Kant's reception of the ideas of his colleagues. From that point of view the fact that his theory of consciousness is undeveloped may well be a sign that he considered the traditional teaching on consciousness that he found in the Wolffian system to be sufficient and compatible with his critical reasoning (cf. Wunderlich, 2005, p. 1; Vasilyev, 2005, p. 240).

Проблемно-аналитическая линия направлена на конкретные проблемы кантовской философии и их возможное решение в русле аналитической традиции. В этом смысле работа П. Стросона «*The Bounds of Sense*» (Strawson, 1966) является, безусловно, ключевой и отправной. Она не только вызвала интерес аналитиков к кантовской философии, но и позволила, во-первых, по-новому взглянуть на старые проблемы и, во-вторых, привнести аналитический метод в исследование Канта. Но есть и спорная сторона данной стратегии: работы аналитиков порой осовременивают Канта, вырывая его решения из традиции философской психологии XVIII в. Относительно нашего предмета в аналитическом кантианстве можно выделить две группы исследователей: условных эмпириков (П. Стросон, П. Гайер, С.Т. Пауэлл), которые отстаивают эмпирическую трактовку апперцепции, самосознания и сознания, и идеалистов (Г. Эллисон, К. Америкс, П. Китчер и др.), выступающих за сохранение и обоснование трансцендентального взгляда на указанные способности.

Три линии анализа имеют свои сильные и слабые стороны, но их общим ядром во многом является проблемное рассмотрение философии Канта. Генетический подход стремится эксплицировать и реконструировать исходные интуиции Канта в решении проблем его философии. Контекстуальный подход анализирует связь решений Канта с воззрениями его времени. Наконец, аналитическая традиция непосредственно предлагает проблемно-аргументативное рассмотрение кантовской философии. На страницах «Критики чистого разума» сам Кант не устает напоминать нам, что при работе над этим сочинением исходит из конкретных проблем (В 7, В 22, В 438, В 491 и др.), целей (В 539, В 635, В 677 и др.) и задач (В 692, В 698, В 792 и др.). Следовательно, наилучшим способом решения сформулированных выше вопросов будет их проблемное рассмотрение, требующее определить цель и главные задачи

The problem-analytical line of research is concerned with specific problems of Kant's philosophy and their possible solution in accordance with the analytical tradition. From that point of view Peter Strawson's *The Bounds of Sense* (1966) is undoubtedly the key reference point. It did not only attract analytical interest to Kant's philosophy, but made it possible, first, to look at old problems in a new way and second, to introduce the analytical method into Kant studies. One aspect of this strategy is, however, debatable: analysts sometimes modernise Kant, plucking his solutions out of the philosophical psychology tradition of the eighteenth century. In view of our subject, two groups of researchers can be identified in analytical Kantianism: those who, for want of a better word, can be called empiricists (Peter Strawson, Paul Guyer, C. Thomas Powell), and who accordingly espouse an empirical treatment of apperception, self-consciousness and consciousness, and the idealists (Henry Allison, Karl Ameriks, Patricia Kitcher and others), who seek to preserve and ground the transcendental view of these faculties.

The three lines of analysis each have their strengths and weaknesses, but their common nucleus is in many ways the problem-oriented study of Kant's philosophy. The genetic approach seeks to explicate and reconstruct Kant's initial intuitions in solving the problems of his philosophy. The contextual approach analyses the connection of Kant's solutions with the prevailing views of his time. Finally, the analytical tradition offers directly a problem-argumentative analysis of Kantian philosophy. In the *Critique of Pure Reason* Kant himself never tires of reminding us that in his work he proceeds from concrete problems (В 7, В 22, В 438, В 491 among others), goals (В 539, В 635, В 677 among others) and tasks (В 692, В 698, В 792 among others). Consequently, the best way to solve the questions formulated above

первой «Критики», а затем и функциональное значение апперцепции, сознания и самосознания для реализации этих цели и задач⁴.

Внимательное прочтение предисловий к обоим изданиям и введения позволяют четко эксплицировать главный замысел сочинения: «Дело этой критики чистого спекулятивного разума состоит в попытке изменить прежний метод исследования в метафизике, а именно совершить в ней полную революцию, следуя примеру геометров и естествоиспытателей. Эта критика есть трактат о методе...» (В XXII; Кант, 2006б, с. 25). То есть целью «Критики чистого разума» является разработка метода исследования познавательных способностей человека, в особенности разума, и его применение. С учетом успешной революции в способе мышления, которую совершили геометры и естествоиспытатели, Канта интересуют априорные основания наших познавательных способностей. Именно они — принципы, правила и основоположения *a priori* — формируют, по предположению философа⁵, наш опыт. Данное уточнение конкретизирует указанную цель. Речь теперь пойдет (1) о разработке метода исследования априорных познавательных способностей, (2) о его применении с целью выявления априорных принципов, правил и основоположений нашего познания и, наконец, (3) о проверке законного использования данных оснований. В случае успеха это позволит Канту в будущем построить завершённую философскую систему разума: метафизику природы и нравов (В XLIII; Кант, 2006б, с. 47).

⁴ Схожий подход исследования предлагает П. Китчер. С ее точки зрения, концепцию апперцепции нельзя рассматривать как отдельное, разработанное и приписываемое только Канту учение. Скорее, взгляд немецкого мыслителя на сознание, самосознание и апперцепцию следует определять контекстуально, в зависимости от конкретных задач и аргументов (Kitcher, 2015, S. 281).

⁵ Имеется в виду известное предположение Канта о том, что более успешное решение задач метафизики возможно, если совершить коперниканскую революцию в мышлении: «...мы *a priori* познаем в вещах только то, что сами в них вложили» (В XVIII; Кант, 2006б, с. 19).

is the problem-oriented approach which requires identification of the goal and main tasks of the first *Critique*, and then the functional significance of apperception, consciousness and self-consciousness for accomplishing these goals and tasks.⁴

An attentive reading of the “Prefaces” to both editions and of the “Introduction” leaves no doubts as to the main conception of the work: “Now the concern of this critique of pure speculative reason consists in that attempt to transform the accepted procedure of metaphysics, undertaking an entire revolution according to the example of the geometers and natural scientists. It is a treatise on the method [...]” (*KrV*, В XXII; Kant, 1998, p. 113). That is, the aim of the “*Critique of Pure Reason*” is to develop a method of studying man’s cognitive faculties, especially reason, and its use. Considering the revolution in the mode of thought accomplished by geometers and natural scientists Kant is interested in *a priori* grounds of our cognitive faculties. Kant believes that it is *a priori* rules, principles and foundations that shape our experience.⁵ This clarification specifies the indicated goal. It is (1) development of a method of studying *a priori* cognitive faculties, (2) its application to reveal *a priori* principles, rules and foundations of our cognition and finally (3) verifying the legitimacy of the use of these foundations. If successful, this would enable Kant to build a complete philosophical system of reason: the metaphysics of nature and mores (*KrV*, В XLIII; Kant, 1998, p. 123).

⁴ Patricia Kitcher suggests a similar research approach. From her point of view, the concept of apperception cannot be considered as a separate doctrine developed by and attributed only to Kant. Rather, Kant’s view of consciousness, self-consciousness and apperception should be defined contextually, depending on specific tasks and arguments (Kitcher, 2015, p. 281).

⁵ The reference is to Kant’s famous suggestion that metaphysical tasks can be more successfully accomplished through a Copernican revolution in thought: “[...] we can cognize of things *a priori* only what we ourselves have put into them [...]” (*KrV*, В XVIII; Kant, 1998, p. 111).

Реализация заявленных подцелей осуществляется Кантом через конкретные задачи. Среди их множества важно выделить три: *общую, наиболее трудную*⁶ и *психологическую*. Первая является ключевой задачей второй подцели и имеет известную формулировку: «Как возможны синтетические суждения *a priori*?» Вторая также относится к задачам второй подцели и рассматривается, по словам самого Канта, в самом сложном разделе «Критики» — «О дедукции чистых понятий рассудка». Она имеет не менее известную формулировку: каким образом чистые понятия рассудка «могут относиться к объектам, вовсе не получаемым из какого-нибудь опыта?» (В 117; Кант, 2006б, с. 185–187) — и предполагает априорное доказательство всеобщего и необходимого соответствия между всеми категориями и предметами. *Психологическая* задача относится к третьей подцели и критически рассматривает возможность познания нас самих как субъектов познания. В кантианской традиции этот вопрос исследуется вместе с проблемой состоятельности психологии как науки.

Для решения этих трех задач будут использованы понятия апперцепции, самосознания и сознания, что позволит выявить и прояснить функции этих понятий, а следовательно, и их значение. Свой функционально-проблемный анализ я начну с рассмотрения роли сознания в решении задач «Критики чистого разума», затем обращусь к изучению роли самосознания и апперцепции.

⁶ Эти именованные не являются общеупотребительными и даны автором статьи на основании контекста, см.: В 19 («VI. Общая задача чистого разума») и А XVI («Я не знаю других исследований, которые для обоснования способности, называемой нами рассудком, и вместе с тем для установления правил и границ ее употребления были бы важнее, чем те, что проведены мной во второй главе “Трансцендентальной аналитики” под заглавием “Дедукция чистых понятий рассудка”. Пусть они и стоили мне наибольшего труда...» (Кант, 2006а, с. 19)).

Kant seeks to implement the stated subgoals through concrete tasks. Among the many tasks three must be singled out: *the general, the most difficult*⁶ and *the psychological*. The first is the key task of the second subgoal and is famously formulated as “How are synthetic judgments *a priori* possible?” The second one also refers to the second subgoal and is examined in what Kant himself considers to be the most complicated section of the *Critique*, “Transcendental Deduction of the Pure Concepts of the Understanding”. *The most difficult* task is equally famous — how pure concepts of the understanding “can be related to objects that they do not derive from any experience” (*KrV*, В 117; Kant, 1998, p. 220) — and presupposes *a priori* proof of universal and necessary correspondence between all the categories and objects. The *psychological* task, part of the third subgoal, critically examines the possibility of cognising ourselves as subjects of cognition. In the Kantian tradition the issue is studied along with the problem of the validity of psychology as a science.

To solve these tasks, I propose to use the concepts of apperception, self-consciousness and consciousness, which will make it possible to reveal and clarify the functions, and hence the meaning, of these concepts. I shall start my functional-problem analysis with a look at the role of consciousness in solving the tasks of the *Critique of Pure Reason* before turning to the study of the role of self-consciousness and apperception.

⁶ These designations are not in general use and have been invented by the author on the basis of context. See: В 19 (“VI. The general problema of pure reason”) and А XVI (“I am acquainted with no investigations more important for getting to the bottom of that faculty we call the understanding, and at the same time for the determination of the rules and boundaries of its use, than those I have undertaken in the second chapter of the *Transcendental Analytic*, under the title *Deduction of the Pure Concepts of the Understanding*; they are also the investigations that have cost me the most [...] effort” — Kant, 1998, p. 103).

Роль сознания в решении задач «Критики чистого разума»

Поиск решения интересующих нас задач предполагает познавательные процессы, которые невозможны без участия сознания. Кант прямо об этом пишет во многих местах, например в первом издании: «Все созерцания суть для нас ничто и нисколько не касаются нас, если они не могут быть восприняты в сознании...» (A 116; Кант, 2006а, с. 167). Это простое, на первый взгляд, положение вместе с коперниканской моделью мышления приводит к нетривиальным следствиям.

Первое: оказывается, что абсолютно все наши знания ограничены миром представлений. В обоих изданиях первой «Критики» и в «Пролегоменах...» Кант постоянно напоминает об этом читателю. Такое внимание к этому вопросу неслучайно, ведь различие представлений (о вещах) и вещей самих по себе позволяет Канту потенциально решить две важнейшие проблемы: с одной стороны, обосновать возможность научного (всеобщего и необходимого) познания, а с другой — сохранить человеку свободу. Если необходимость возможна только в мире представлений, мы вполне можем обладать свободой в мире вещей самих по себе.

Второе: любые предметы познания — как внутренние, так и внешние — следует рассматривать только как совокупность представлений, которые мы каким-то образом получили, упорядочили и связали. По задумке Канта, такое понимание процесса получения знаний открывает возможность для их критической проверки. В самом деле, если какое-либо представление о предмете или о себе самом возникает из неправильного применения познавательных способностей, его нужно признать необъективным и отбросить. Однако продуктивное на первый взгляд положение обернулось для трансцендентальной системы Канта и проблемами. Первая связана с познанием внешних предметов: если они являются для нас толь-

The Role of Consciousness in the Solution of the Tasks of the *Critique of Pure Reason*

The search for the solution of the tasks that concern us here presupposes cognitive processes that are impossible without bringing in consciousness. Kant expressly states this in many places, e.g. in the first edition: “All intuitions are nothing for us and do not in the least concern us if they cannot be taken up into consciousness [...]” (*KrV*, A 116; Kant, 1998, p. 237). This seemingly simple proposition, coupled with the Copernican model of thought leads to non-trivial consequences.

First, it turns out that all of our knowledge is limited to the world of representations. Kant constantly reminds us of this in both editions of the first *Critique* and in the *Prolegomena*. Such attention to the issue is not accidental, because the distinction between representations (of things) and the things themselves enables Kant to potentially solve two highly important problems: on the one hand, to ground the possibility of scientific (universal and necessary) cognition, and on the other hand, to preserve man’s freedom. While necessity is possible only in the world of representations we can feel free in the world of things in themselves.

Second, any objects of cognition, both internal and external, should be seen only as a totality of representations which we have somehow obtained, ordered and combined. Kant believed that such understanding of the process of obtaining knowledge paved the way for their critical verification. Indeed, if a representation of an object or of oneself arises from an incorrect application of cognitive faculties, it should be cast aside as non-objective. However, what appears to be a helpful proposition presented Kant’s transcendental system with some problems. The first one has to do with the cognition of external objects: if they are, for us, only representations determined by the subjective

ко представлениями, которые определяются субъективными формами познания, мы можем потенциально усомниться в существовании реального мира. Обвинение критической философии в берклианском идеализме⁷ Кант считал абсурдным⁸, но тем не менее сделал некоторые правки во втором издании «Критики». Например, добавил в раздел, посвященный основоположениям рассудка, фрагмент об опровержении идеализма (B 275; Кант, 2006б, с. 369). Вторая проблема касается познания себя. В начальный период работы над «Критикой» Кант считал возможным познание нашей души как вещи самой по себе⁹, но потом изменил свою позицию. С точки зрения некоторых исследователей, кардинальный пересмотр взглядов на природу Я усложнил или даже сделал невозможным для Канта дедукцию категорий (Васильев, 1998, с. 132).

Третье: судить о нашей познавательной деятельности можно только в свете получения и организации представлений. Тексты первой «Критики», «Пролегоменов...» и «Антропологии...» подтверждают этот тезис. Кант, знакомя читателей с познавательными способностями, всегда использует понятие «представление» (*Vorstellung*) и часто — «способ представления» (*Vorstellungsart*) или «способность представления»¹⁰. Он постулирует необходимую

⁷ О возникновении канто-берклианского вопроса см.: (Васильева, 2009).

⁸ Свою позицию по этому вопросу Кант называл трансцендентальным идеализмом и эмпирическим реализмом (A 369–370; Кант, 2006а, с. 465), то есть призывал существование материи, но приписывал формам познания идеальную природу (B 66; Кант, 2006б, с. 129). При этом действительность внешнего мира в первом издании Кант доказывал через факт непосредственного сознания чувственных данных (A 371; Кант, 2006а, с. 467).

⁹ Например, в рукописях середины 1770-х гг. Кант следующим образом определял апперцепцию: «Апперцепция есть восприятие себя самого как мыслящего субъекта вообще» (AA 17, S. 647; Кант, 2000, с. 42).

¹⁰ Данное понятие представляет собой перевод разных немецкоязычных терминов: *Vorstellungsfähigkeit* (B 34), *Vorstellungsvermögen* (B 129), *Vorstellungskraft* (B 130). Оно, на мой взгляд, синонимично интересующим нас понятиям *Apperzeption*, *Bewußtsein* и *Selbstbewußtsein*.

forms of cognition, we may potentially put in question the existence of the real world. Kant considered the accusation of Berkeleyan idealism⁷ which some levelled at critical philosophy to be absurd,⁸ nevertheless he made some emendations to the second edition of the *Critique*. For example, he added a fragment about the refutation of idealism to the section devoted to the foundations of understanding (*KrV*, B 275; Kant, 1998, p. 326). The second problem has to do with cognition of the self. At the initial stage of his work on the *Critique* Kant believed it was possible to cognise our soul as a thing in itself,⁹ but he later changed his stance. Some researchers feel that a drastic revision of views on the nature of the Self made the deduction of categories difficult or even impossible for Kant (Vasilyev, 1998, p. 132).

Third, we can judge about our cognitive activity only in the light of obtaining and organising representations. The texts of the first *Critique*, *Prolegomena* and *Anthropology* bear out this thesis. Kant, in acquainting the reader with cognitive faculties, always uses the term “representation” (*Vorstellung*) and frequently “way of representing” / “kind of representation” / “species of representation” (*Vorstellungsart*) or “faculty of representation”.¹⁰ He postulates a necessary link between consciousness and cog-

⁷ On the origin of the Kant-Berkeley issue see Vasilyeva (2009).

⁸ Kant described his position on the issue as transcendental idealism and empirical realism (*KrV*, A 369-370; Kant, 1998, pp. 426-427), i.e. he recognised the existence of matter but ascribed an ideal nature to the forms of cognition (*KrV*, B 66; Kant, 1998, p. 188). As for the reality of the external world, Kant proved it through the fact of immediate consciousness of sensible data (*KrV*, A 371; Kant, 1998, p. 427).

⁹ For example, in the 1770s manuscripts he defined apperception as “the perception of oneself as a thinking subject in general” (*Refl* 4674, AA 17, p. 647; Kant, 2005, p. 160).

¹⁰ This concept is a translation of various German terms: *Vorstellungsfähigkeit* (B 34), *Vorstellungsvermögen* (B 129), *Vorstellungskraft* (B 130). In my opinion, it is synonymous with the concepts that interest us here: *Apperzeption*, *Bewußtsein* and *Selbstbewußtsein*.

связь между сознанием и познанием (см., напр.: В 137–138; Кант, 2006б, с. 209) и ограничивает последнее миром представлений («...познание есть целостность сопоставимых и связанных между собой представлений» (А 97; Кант, 2006а, с. 145)). Это означает, что все задачи «Критики» решаются на уровне осознанных (сознательных) представлений через их анализ.

Важнейшим шагом на этом пути оказывается подробная классификация доступных для нас представлений, которую Кант будет разрабатывать на протяжении всех своих критических исследований. Ее необходимость вытекает из всего вышесказанного и сводится к двум ключевым пунктам. Во-первых, сознательные представления должны либо содержать в себе результаты деятельности познавательных способностей, либо отражать их непосредственную активность. Потенциально это дает возможность для обнаружения источников априорного синтеза (*общая задача «Критики»*). Так как душа обладает, с позиции Канта, множеством априорных познавательных способностей¹¹, их следует разделять и отделять друг от друга. Особенно важно последнее, ведь смешение источников познания — речь идет о чувственности и рассудке — приводит к множеству ошибок, например к «*метафизической ошибке подстановки*» (АА 02, S. 412; Кант, 1994б, с. 311) или «амфиболии рефлексивных понятий» (В 326; Кант, 2006б, с. 427). Во-вторых, многие представления из-за их незаконного происхождения нуждаются в критической проверке. Она осуществляется Кантом опять же через сортировку и анализ представлений (*психологи-*

inition (see, for example, В 137-138; Kant, 1998, p. 249) limiting the latter to the world of representations (“[...] cognition [...] is a whole of compared and connected representations” — *KrV*, А 97; Kant, 1998, p. 228). This means that all the tasks of the *Critique* are solved at the level of conscious representations through their analysis.

An important step down this road is the detailed classification of accessible representations Kant would develop in the course of all his critical investigations. The need for it stems from all that has been said above and boils down to two key points. First, conscious representations must either contain the results of the use of cognitive faculties or reflect their immediate activities. Potentially, this makes it possible to discover the sources of *a priori* synthesis (*general task of the Critique*). Because the soul, in Kant’s opinion, has multiple¹¹ *a priori* cognitive faculties, they should be distinguished and separated from one another. The latter is particularly important because confusion of the sources of cognition — sensibility and understanding — is fraught with many mistakes, for example the “*metaphysical fallacy of subreption*” (*MSI*, АА 02, p. 412; Kant, 1992, p. 408) or “*the amphiboly of the concepts of reflection*” (*KrV*, А 269 / В 325; Kant, 1998, p. 371). Second, many representations, owing to their illegitimate origin, need to be critically verified. Kant accomplishes this, again, by sorting and analysing representations (the *psychological* and other tasks of the “*Transcendental Dialectic*”). We must, accord-

¹¹ Кант считал, что в душе человека находится несколько отдельных и не сводимых друг к другу познавательных способностей. Скажем, в первом издании «Критики» Кант отмечал чувственность, воображение и апперцепцию (А 115; Кант, 2006а, с. 167). Альтернативная точка зрения принадлежала Хр. Вольфу, считавшему, что все познавательные способности исходят из одной познавательной силы — способности представления (Wolff, 1725, S. 468). Подробное исследование о количестве способностей души у Канта и Вольфа см.: (Heßbrüggen-Walter, 2004).

¹¹ Kant believed that the human soul had several separate cognitive faculties that were not reducible to one another. For example, in the first edition of the *Critique* Kant notes sensibility, imagination and apperception (*KrV*, А 115; Kant, 1998, p. 236). Christian Wolff held an alternative view. He thought that all the cognitive faculties sprang from one cognitive power, the representation faculty (Wolff, 1725, p. 468). Heßbrüggen-Walter (2004) provides a detailed enquiry into the number of faculties of the soul recognised by Kant.

ческая и другие задачи «Трансцендентальной диалектики»). Мы вынуждены вслед за Кантом выделить и классифицировать ключевые для данного исследования представления, которые явно или скрыто встречаются в «Критике чистого разума»:

– по доступу субъекта к представлениям: *сознательные* («ясные», «неясные» и др.) и *бессознательные* («темные»);

– по способу представления: *чувственные* (созерцание) и *рассудочные*, или интеллектуальные (понятия);

– по роли в познании: предоставляющие содержательный материал (*материя*) и организующие его (*форма*);

– по предмету познания (то есть по тому, на что направлено познание): *внутренние* и *внешние*;

– по способу получения нового представления: *аналитические* и *синтетические*;

– по источнику познания: *апостериорные* и *априорные*.

Проясню коротко данную классификацию. Под темными представлениями Кант понимает сферу чувственных созерцаний и ощущений, которые мы не осознаем, хотя и можем с уверенностью заключать, что их имеем (AA 07, S. 135; Кант, 1994а, с. 151). В их неизмеримом множестве сознание высвечивает очень малую долю представлений, которые мы называем сознательными, или доступными для нас. Они могут быть разной степени интенсивности: от ясных и отчетливых до почти не осознаваемых. Исследование находящихся в нашей душе осознанных представлений (благодаря долгому и пронизательному наблюдению, вниманию, рефлексии и рассуждениям) позволяет Канту выделить их большое разнообразие. Осознание того, каким образом мы непосредственно получаем (воспринимаем) представления о предметах, Кант называет чувственностью, каким образом осмысляем их (связываем множество чувственных представлений в одно) — рассудком. При этом в деятельности познавательных способностей важно отличать то, что они достав-

ing to Kant, identify and classify the representations that are key for this investigation and that are explicitly or implicitly present in the *Critique of Pure Reason*:

– According to the subject's access to representations: *conscious* ("clear", "unclear", etc.) and *unconscious* ("dark");

– According to way of representation: *sensible representations* (intuition) and *representations in the understanding*, or intellectual representations (concepts);

– According to their role in cognition: providing content (*matter*) and organising it (*form*);

– According to the object of cognition (what cognition is directed to): *internal* and *external*;

– According to the way of obtaining a new representation: *analytic* and *synthetic*;

– According to the source of cognition: *a posterior* and *a priori*.

I will briefly explain this classification. By "dark representations" Kant means the sphere of sensible intuitions and sensations we are not conscious of, though we can confidently say that we have them (*Anth*, AA 07, S. 135; Kant, 2007, p. 246). Of their untold multitude consciousness shines the light only on a tiny portion of representations which we call "conscious", or "accessible to us". They may vary in intensity: from clear and distinct to almost unconscious. The study of conscious representations in our soul (through prolonged and penetrating observation, attention, reflection and reasoning) enables Kant to isolate a great variety of them. Kant uses the term "sensitivity" to refer to the consciousness of how we directly obtain (perceive) representations of objects and understanding to refer to the way we understand them (unify a multitude of sensible intuitions into one). In the activity of cognitive faculties it is important to distinguish what they convey — the empirical material (*matter*) — from what they add — order,

ляют — эмпирический материал (материю), от того, что они добавляют от себя — упорядоченность, синтез, единство (форму). Первые представления исходят от объектов познания, вторые — от субъектов. Соответственно, представления, связанные с субъектом и его активностью, следует называть внутренними, с познанием отличных от нас объектов — внешними. Новые представления мы можем получать аналитически, если выявляем их в старых через разложение на части, или синтетически, когда они являются результатом соединения с новыми. Синтез представлений осуществляется либо на основании опыта (апостериорные), либо благодаря независимым от всяких чувственных данных познавательным способностям (априорные).

Анализ предложенной классификации представлений позволяет сформулировать несколько важных выводов о сознании. Во-первых, оно предоставляет доступ к представлениям, без чего мы не могли бы иметь знаний о себе и о мире. Во-вторых, сознание позволяет различать и отличать¹² осознанные представления друг от друга, хоть это и требует, по словам Канта, проницательности и времени. В-третьих, среди осознанных представлений можно обнаружить не только чувственный материал относительно объектов познания, но и сами формы познания. Под последними Кант понимает способ организации отношений между представлениями. Этот способ может быть чувственным, когда мы пространственно координируем и темпорально упорядочиваем эмпирические данные, и рассудочным, когда мы их связываем, создавая целое представление. Канта среди этих форм интересуют, как

¹² Стоит заметить, что данная функция сознания соответствует вольфианской традиции. В своей «Метафизике» Хр. Вольф рассматривает сознание как способность различать предметы: «Таким образом, мы обнаруживаем, что мы тогда осознаем вещи, когда мы отличаем их друг от друга» («Wir finden demnach, daß wir uns alsdenn der Dinge bewusst sind, wenn wir sie von einander unterscheiden», Wolff, 1725, S. 454, § 729).

synthesis and unity (form). The former type of representation proceeds from the objects of cognition and the latter from the subjects. Accordingly, consciousness of representations connected with the subject and its activity should be called “internal” and those connected with the cognition of objects that are different from us, “external”. We can obtain new representations analytically if we extract them from the old ones, divide them into parts, or synthetically if they are combined with new ones. Synthesis of representations is effected either on the basis of experience (*a posteriori*) or thanks to cognitive faculties independent from any sensible data (*a priori*).

The analysis of the above classification of representations suggests several important conclusions about consciousness. First, it provides access to representations, without which we would be unable to have knowledge about ourselves and the world. Second, consciousness makes it possible to identify and distinguish¹² conscious representations from one another although this, as Kant notes, requires penetration and time. Third, conscious representations may contain not only sensible material concerning the objects of cognition, but also the forms of cognition. By the latter, Kant understands the way of organising the relations between representations. This way may be sensible, when we coordinate and temporally order empirical data, and intellectual, when we connect them to create a whole representation. Of these forms Kant is interested, as I have mentioned, in *a priori*-synthetic types of links. I will show below how they are discovered through conscious-

¹² It is worth noting that this function of consciousness corresponds to the Wolffian tradition. In his *Metaphysics* Christian Wolff (1725, p. 454, § 729) considers consciousness as the ability to distinguish objects: “Thus we discover that we are conscious of things when we distinguish them from one another” (cf. “Wir finden demnach, daß wir uns alsdenn der Dinge bewusst sind, wenn wir sie von einander unterscheiden”).

я уже отмечал, априорно-синтетические виды связей. Каким образом возможно их открытие через сознание, я покажу далее. В-четвертых, сознание потенциально позволяет направить фокус познания на нас самих («внутреннее сознание», В 294; Кант, 2006б, с. 390). В этом случае объектом нашего сознания будут внутренние представления.

У сознания есть еще одна очень важная функция — способность вносить единство в разрозненные представления. Однако разговор о ней, чтобы избежать терминологической путаницы, лучше начинать после того, как мы проясним соотношение сознания и самосознания. Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1. Реализация цели первой «Критики», решение ее задач и проблем осуществляются через исследование и анализ деятельности сознания и его содержания. 2. Сознание обладает очень важными функциями: открывает доступ к представлениям в нашей душе, позволяет их, с одной стороны, различать и исследовать, а с другой — вносить в них единство. Канта среди большого разнообразия осознанных представлений интересуют прежде всего априорно-синтетические отношения между представлениями, то есть формы познания. Но для того, чтобы выявить и продемонстрировать правомерность использования этих форм познания, следует разобраться с понятием «самосознание».

Роль самосознания в решении задач первой «Критики»

Обнаружить ясное и четкое значение понятия «самосознание» в критической философии Канта не так просто. Эти сложности я уже отмечал: отсутствие дефиниции, синонимичное использование наряду с сознанием и апперцепцией, выполнение разных функций. Кроме того, данный термин, по сравнению с дву-

ness. Fourth, consciousness potentially makes it possible to focus cognition on ourselves (“internal consciousness” — *KrV*, В 294; Kant, 1998, p. 337). In this case internal representations are the object of our consciousness.

Consciousness has yet another very important function: the ability to unify disparate representations. However, to avoid terminological confusion it makes sense to start the conversation about this function after clarifying the relationship between consciousness and self-consciousness. Thus we arrive at the following conclusions: 1) The goals and tasks of the first *Critique* are accomplished through investigation and analysis of the activity and content of consciousness. 2) Consciousness performs very important functions: it provides access to representations in our soul, making it possible, on the one hand, to distinguish and investigate them and, on the other hand, to unify them. In the diversity of conscious representations Kant is interested above all in *a priori*-synthetic relationships between representations, i.e. in the forms of cognition. But in order to reveal and demonstrate the validity of the use of these forms of cognition, we should first sort out the concept of “self-consciousness”.

The Role of Self-Consciousness in Accomplishing the Tasks of the First *Critique*

It is not particularly easy to tease out a clear-cut meaning of “self-consciousness” in Kant’s critical philosophy. I have already indicated these difficulties: lack of definition, synonymous use along with consciousness and apperception, and performance of different functions. Besides, Kant uses the term infrequently by comparison with the other two terms.¹³ Still,

¹³ The term occurs 15 times in the first edition of the *Critique* and 22 times in the second.

мя другими, используется Кантом нечасто¹³. Разрешить отмеченные сложности тем не менее возможно. Если мы проанализируем все контексты, в которых Кант использует понятие самосознания, мы обнаружим у него три уже упомянутые функции: осознание представлений во мне (A 370; Кант, 2006а, с. 465), осознание априорного рассудочного синтеза (A 112; Кант, 2006а, с. 163) и осознание себя (B 405; Кант, 2006б, с. 517). Нетрудно заметить, что выявленные функции самосознания каким-то образом связаны с деятельностью сознания, а также с *общей, трудной и психологической* задачей «Критики», поэтому их важно исследовать и прояснить.

(а) *Самосознание как осознание представлений во мне.* Непосредственно в этом значении Кант рассматривает понятие «самосознание» в первом издании «Критики», в рамках четвертого паралогизма. Желая доказать совместимость трансцендентального идеализма и эмпирического реализма, Кёнигсбергский философ несколько раз ссылается на деятельность самосознания:

...в свете нашего учения... можно, ссылаясь на свидетельство одного лишь нашего самосознания, признать и тем самым объявить доказанным бытие материи, как и бытие меня самого как мыслящего существа. В самом деле, я ведь осознаю свои представления, следовательно, эти представления существуют; существую и я сам, обладающий ими. <...> Следовательно, внешние вещи существуют точно так же, как я, и о том и другом непосредственно свидетельствует мое самосознание... (A 370–371; Кант, 2006а, с. 465, 467).

Рассуждение Канта можно реконструировать следующим образом. Внешние предметы являются только представлениями и находятся в субъекте, который их воспринимает. О действительности нашего Я и предметах внешне-

the difficulties are not insurmountable. If we analyse all the contexts in which Kant uses the concept of self-consciousness we find the three above-mentioned functions: consciousness of representations in me (*KrV*, A 370; Kant, 1998, p. 427), consciousness of the synthesis of understanding *a priori* (*KrV*, A 112; Kant, 1998, p. 235) and consciousness of self (*KrV*, B 405; Kant, 1998, p. 415). It is not hard to see that these functions of self-consciousness are somehow connected with the activity of consciousness as well as with the *general, difficult and psychological* tasks of the *Critique*, which makes it important to investigate and clarify them.

(a) *Self-consciousness as consciousness of representations within me.* Kant directly considers the concept of self-consciousness in this meaning in the first edition of the *Critique* in the framework of the fourth paralogism. Wishing to prove the compatibility of transcendental idealism and empirical realism Kant refers to the activity of self-consciousness several times:

Thus our doctrine removes all reservations about assuming the existence of matter based on the testimony of our mere self-consciousness, and it declares this to be proved in the same way as the existence of myself as a thinking being. For I am indeed conscious to myself of my representations; thus these exist, and I myself, who has these representations. [...] Thus external things exist as well as my self, and indeed both exist on the immediate testimony of my self-consciousness [...] (*KrV*, A 370-371; Kant, 1998, p. 427).

This piece of Kant's reasoning can be reconstructed in the following way: External objects are mere representations and are within the subject that perceives them. Our self-consciousness testifies to the reality of our Self and the objects of the external world. Our self-consciousness is also considered – which is very important for my study – to be consciousness of our representations of the world and our-

¹³ В первом издании «Критики» термин встречается 15 раз, во втором – 22.

го опыта свидетельствует наше самосознание. Оно также рассматривается, что очень важно для моего исследования, как сознание наших представлений о мире и о себе. Следовательно, если любой объект познания является только совокупностью представлений и находится в нас, то сознание, открывающее доступ к этим представлениям, и самосознание, акцентирующее внимание лишь на их субъективном расположении, есть одна и та же способность.

Таким образом, можно со всей очевидностью сделать вывод о рефлексивном понимании Кантом сознания. Оно есть осознание представлений внутри нас, или (в том числе) самосознание. Объекты рефлексивного сознания в зависимости от направления внимания, как было мной отмечено в разделе, посвященном сознанию, могут быть разными. В соответствии с выявленными задачами первой «Критики» нас должны интересовать, конечно, три вида представлений: чувственные и рассудочные формы познания, наше Я и априорный синтез. В этом разделе остается осветить, каким образом Кант открывает с помощью рефлексивного сознания / самосознания чувственные и рассудочные формы познания.

В функционировании чувственности как ступени познания Кант обращает наше внимание на две особенности организации данных. Во-первых, мы способны каким-то образом различать внутренние и внешние представления в нашем сознании / самосознании. Во-вторых, эти два типа представлений имеют свои специфические черты. Внешние представления позволяют получать очертания, величину предметов, а также их расположение относительно друг друга. Внутренние указывают на иной тип отношений между представлениями: последовательность, одновременность и постоянство. Следовательно, мы обладаем пространственным и темпоральным способами координации представлений. Поскольку только через них возможно созерцание внешних и внутрен-

elves. Thus, if any object of cognition is merely a totality of representations and is within us, then consciousness, which gives access to these representations, and self-consciousness, which focuses only on their subjective position, is one and the same faculty.

Thus one can safely conclude that Kant's interpretation of consciousness is reflexive. Consciousness is awareness of representations within us, or also self-consciousness. The objects of reflexive consciousness may vary depending on the direction of attention, as I have mentioned in the section devoted to consciousness. In accordance with the tasks of the first *Critique*, we should be interested of course in three types of representations: sensible and intellectual forms of cognition, our Self and *a priori* synthesis. In this section it remains to discuss how Kant discovers sensible and intellectual forms of cognition through reflexive consciousness / self-consciousness.

As regards the functioning of sensibility as a stage of cognition, Kant draws attention to two features of the organisation of data. First, we are capable of distinguishing in some way internal and external representations in our consciousness / self-consciousness. Second, these two types of representation have their specific features. External representations provide the outline, the size of objects and their position relative to each other. Internal ones point to a different type of relations between representations: sequence, simultaneity and constancy. Thus, we possess spatial and temporal methods of coordinating representations. Because it is only through them that external and internal phenomena can be intuited and geometry and algebra can be explained, one can conclude that they have an *a priori* character.

We encounter similar logic in discovering intellectual forms of cognition (concepts). First,

них явлений, а также объяснение геометрии и алгебры, можно сделать вывод, что они обладают априорным характером.

В обнаружении рассудочных форм познания (понятий) мы увидим схожую логику. Во-первых, Кант отмечает природу интеллектуальных представлений. Они имеют опосредованный, спонтанный и интегративный характер. Если чувственные представления пассивно и непосредственно предоставляют нам предмет (через ощущения), то рассудочные отличаются самостоятельностью и всегда направлены лишь на другие представления. Интеграционная природа рассудочных представлений состоит в том, что все понятия и суждения, через которые мыслит рассудок, основаны на функциях единства. Под ними Кант понимает единство деятельности, посредством которой различные представления подводятся под одно общее представление (В 93; Кант, 2006б, с. 157). Таким образом, все рассудочные представления являются спонтанными функциями единства, которые сопровождают и определенным образом связывают другие представления в одно общее.

Во-вторых, Кант немного уточняет классификацию рассудочных представлений. Так как они имеют опосредованный характер, возможны различные варианты их отношения к созерцанию. Как минимум можно выделить формальные рассудочные представления и предметные. Первые отвлекаются от всякого отношения к объекту познания и являются лишь формальными и, следовательно, априорными логическими функциями. Вторые, напротив, направлены на предмет познания и имеют определенное содержание. Получается следующая классификация интеллектуальных функций единства:

- по содержанию: *эмпирические* и *чистые*;
- по способу получения нового представления: *аналитические* и *синтетические*;
- по направленности на объект познания: *формальные* и *предметные*.

Kant notes the nature of intellectual representations. They have a mediated, spontaneous and integrative character. Whereas sensible representations present the object to us passively and immediately (through sensations) intellectual ones are active and are always directed only to other representations. The integrative nature of representations in the understanding lies in the fact that all the concepts and judgments through which the understanding thinks are based on the functions of unity. By these Kant means unity of activity through which various representations are correlated with a single common representation (*KrV*, B 93; Kant, 1998, p. 205). Thus, all the representations in the understanding are spontaneous functions of unity which accompany and in a certain way link other representations into a single whole.

Second, Kant slightly modifies the classification of the representations in the understanding. Because they have a mediated character their relationship to intuition may vary. At a minimum, we can identify formal representations and object representations. The former abstract themselves from any relationship to the object of cognition and are merely formal and consequently *a priori* logical functions. The latter, on the contrary, are directed towards the object of cognition and have a certain content. We arrive at the following classification of the intellectual functions of unity:

- According to content: *empirical* and *pure*;
- According to the way of obtaining a new representation: *analytic* and *synthetic*;
- According to being directed to the object of cognition: *formal* and *object-directed*.

Чистые синтетические предметные понятия Кант называет категориями (В 128; Кант, 2006б, с. 199). Их ключевое отличие от логических форм состоит в трансцендентальном содержании (В 105; Кант, 2006б, с. 171).

В-третьих, Кант находит в формальном употреблении рассудка все логические функции единства, составляет их полную классификацию, а затем отождествляет с категориями (метафизическая дедукция). Последний шаг Кант объясняет тем, что рассудок совершенно исчерпывается логическими функциями, а его способность вполне измеряется ими (В 105; Кант, 2006б, с. 173). Таким образом, через анализ интеллектуальных представлений в сознании / самосознании Кант обнаруживает все двенадцать категорий рассудка.

(b) *Самосознание как априорное осознание единства и синтеза.* Как мы выяснили, категории имеют априорный характер и потенциально выступают рассудочными способами организации чувственных данных. Но есть ли у нас основания для последнего положения — ведь предметы опыта могут являться нам без необходимого отношения к функциям рассудка? Возникает проблема объективности использования категорий (А 90; Кант, 2006а, с. 135; В 122; Кант, 2006б, с. 189), или, как мы ее обозначили, *наиболее трудная задача «Критики»*. Напомню, ее суть сводится к необходимости доказать, что все категории должны выступать всеобщими и необходимыми условиями познания предметов. В противном случае мы должны признать предметные функции рассудка вымыслом и отбросить их. Кант представил две версии решения этой задачи — в первом и во втором издании. В обоих вариантах сознание, самосознание и апперцепция играют ключевую роль. Однако выявить ясное функциональное значение этих способностей в дедукции категорий опять же непросто. Особенно это касается апперцепции. Достаточно обратить внимание на многообразие ее видов. Кант выделяет перво-

Kant calls pure synthetic concepts categories (*KrV*, В 128; Kant, 1998, p. 226). Their key difference from logical forms consists in their transcendental content (*KrV*, В 105; Kant, 1998, p. 211).

Third, Kant finds in the formal use of understanding all the logical functions of unity, completes their total classification and then identifies them with categories (metaphysical deduction). Kant justifies the last step by stating that the understanding is completely covered by logical functions which totally measure its faculty (*KrV*, В 105; Kant, 1998, p. 212). Thus Kant identifies all the twelve categories of the understanding through an analysis of intellectual representations in consciousness/self-consciousness.

(b) *Self-consciousness as a priori consciousness of unity and synthesis.* We have seen that categories have an *a priori* character and are potentially intellectual ways of organising sensible data. But do we have grounds for the latter proposition? After all, the objects of experience may be presented to us without necessarily being related to the functions of understanding. Thus the problem of objectivity in the use of categories (*KrV*, А 90 / В 122; Kant, 1998, p. 222) arises, or, as we have referred to it, *the most difficult task of the Critique*. It will be recalled that it is about the need to prove that all the categories must be universal and necessary conditions for the cognition of objects. Failing that, we have to recognise that object functions of understanding are imagined and to cast them aside. Kant presents two versions of solving this task in the first and second editions respectively. In both cases consciousness, self-consciousness and apperception play the key role. However, identifying the exact functional meaning of these faculties in the deduction of categories is also a challenge. This is particularly true of apperception. Suffice it to look at the diversity of its types. Kant identifies

начальную, чистую, эмпирическую, трансцендентальную, аналитическую, синтетическую, необходимую, объективную и другие виды апперцепции.

Для того чтобы разобраться в данных видах апперцепции и ее роли в дедукции, функционального анализа недостаточно. Использование Кантом латинского термина вынуждает нас сделать небольшое историко-философское отступление. Важно понять, почему и для чего Кант решил использовать в своем исследовании созданный Лейбницем термин «апперцепция». Один из ответов мы можем с легкостью обнаружить на страницах «Критики» (B 403; Кант, 2006б, с. 515), где формулируются два интересных тезиса. Во-первых, Кант отмечает, что все используемые латинские термины употребляются взамен равнозначных немецких. Во-вторых, для лучшего понимания текста «Критики» Кант предпочел не создавать новые термины, а использовать имеющиеся и со старым употреблением. Следовательно, апперцепция должна рассматриваться нами в лейбницианском смысле¹⁴ и иметь немецкий аналог. Если проанализировать немногочисленные контексты, в которых Лейбниц употребляет термин «апперцепция», а также исследовательскую литературу (Майоров, 1973, с. 184; Wunderlich, 2005, S. 11), можно обнару-

initial, pure, empirical, transcendental, analytic, synthetic, necessary, objective and other types of apperception.

Functional analysis is not sufficient to sort out these types of apperception and its role in deduction. Kant's use of the Latin term merits a short historical-philosophical digression. It is important to understand why and for what purpose Kant decided to use the term "apperception", introduced by Leibniz in his investigation. One answer can be easily found in the pages of the *Critique* (KrV, B 403n; Kant, 1998, p. 413n), where two interesting theses are formulated. First, Kant notes that he uses all the Latin terms in place of synonymous German ones. Second, to make the text of the *Critique* more understandable Kant chose not to create new terms but to use existing terms in their old meanings. Thus we should perceive "apperception" in the Leibnizian sense¹⁴ and have a German analogue. If we analyse the few texts in which Leibniz uses the term "apperception" and the research literature (Mayorov, 1973, p. 184; Wunderlich, 2005, p. 11), we find two meanings of the term. "Apperception" is understood as becoming conscious of the subject's unconscious states, for example, perception (Leibniz, 1989b, p. 637), or as becoming conscious of one's internal cognitive activity (Leibniz, 1989a, p. 549). In the former case

¹⁴ На этот счет в исследовательской литературе есть две противоположные точки зрения. Одни авторы видят Канта преемником и последователем традиции Лейбница и Вольфа (Rosefeldt, 2000, S. 213; Brook, 1994, p. 59; Измайлов, 2005, с. 58), другие, наоборот, новатором и даже революционером (Guyer, 1987, p. 32; Ameriks, 2000б, р. XII). Я склоняюсь к первой точке зрения. Во-первых, Кант нигде не дает определения апперцепции, только ее некоторых видов. Следовательно, он предполагает, что читатели знают данное понятие. Но это возможно лишь при общеупотребительном значении термина. Во-вторых, Кант намеренно использует старые термины в их исходном значении. В-третьих, исследователи справедливо отмечают множество параллелей в понимании сознания, самосознания и апперцепции у Лейбница, Вольфа и Канта. Они касаются, например, концепции ясности и отчетливости наших представлений или понимания сознания через различение данных.

¹⁴ In the literature one finds two opposite points of view on that score. Some researchers see Kant as an heir and successor of the Leibniz-Wolff tradition (Rosefeldt, 2000, p. 213; Brook, 1994, p. 59; Izmailov, 2005, p. 58), while others, on the contrary, see him as an innovator, even as a revolutionary (Guyer, 1987, p. 32; Ameriks, 2000b, p. XII). I incline to the former view. First, Kant nowhere gives a definition of apperception, only of some of its types. Thus he assumes that the readers know this concept. But that is only possible if the term is in common use. Second, Kant deliberately uses old terms in their original meanings. Third, scholars rightly note numerous parallels in the interpretation of consciousness, self-consciousness and apperception by Leibniz, Wolff and Kant. They have to do, for example, with the concepts of clarity and distinctness of our representations or understanding consciousness by distinguishing data.

жить у данного термина два значения. Апперцепция понимается или как осознание неосознанных состояний субъекта, например перцепций (Лейбниц, 1982, с. 406), или как осознание своей внутренней познавательной деятельности (Лейбниц, 1984, с. 373). Кант не использует термин «апперцепция» в первом значении, так как перцепция уже рассматривается им как сознательное представление (B 376; Кант, 2006б, с. 485), а употребляет его во втором смысле, но в свете решения задач «Критики». В «Дедукции категорий» обоих изданий апперцепция рассматривается как способность, которая позволяет осознать ключевое априорное условие возможного опыта¹⁵ — единство сознания (A 94; Кант, 2006а, с. 143; B 131; Кант, 2006б, с. 201). Через его анализ Кант и будет осуществлять доказательство всеобщего и необходимого использования категорий.

Но что такое единство сознания? Здесь мы опять сталкиваемся с трудностями, так как автор «Критики» использует множество видов единства, не отделяя и не проясняя их в достаточной мере. С моей точки зрения, можно выделить следующие основные виды единства сознания:

- по нахождению: *внутреннее* и *внешнее*;
- по виду связи: *субъективное* (ассоциативное) и *объективное*;
- по виду единства: *нумерическое* (численное) и *качественное*;
- по роли в познании: *трансцендентальное*, *аналитическое*, *синтетическое*.

Под внутренним единством сознания понимается единство субъекта (то есть нас самих), под внешним, соответственно, — объекта (всего того, что мы познаем вне нас). Если связь между представлениями имеет всеобщий и не-

¹⁵ Г. Цёллер предлагает аналогичное понимание апперцепции. С его точки зрения, субъективно проявляемая апперцепция, имеющая вместе с тем тождественный и интерсубъективный характер, необходима для выявления объективных механизмов познания (Zöllner, 2015b, S. 145).

Kant does not use the term “apperception” because he already considers “perception” to be conscious representation (*KrV*, B 376; Kant, 1998, p. 398). He uses apperception in the second meaning, but he does so with a view to solving the tasks of the *Critique*. In the “Deduction of Categories” in both editions the term refers to the faculty that enables us to become conscious of the key *a priori* condition of possible experience,¹⁵ i.e. the unity of consciousness (*KrV*, A 94 / B 127; Kant, 1998, p. 225; *KrV*, B 131; Kant, 1998, p. 246). Kant would use it to prove the universal and necessary use of categories.

But what is the unity of consciousness? Here we are again facing difficulties because the author of the *Critique* refers to many types of unity without sufficiently isolating and elucidating them. In my opinion, the following main types of the unity of consciousness can be identified:

- According to location: *internal and external unity*;
- According to the type of connection: *subjective* (associative) and *objective unity*;
- According to the type of unity: *numerical and qualitative unity*;
- According to the role in cognition: *transcendental, analytic, synthetic*.

By “internal unity” of consciousness I mean the unity of the subject (i.e. ourselves), by “external unity”, accordingly, the unity of the object (all that we cognise outside ourselves). If the connection between representations is universal and necessary, it forms an objective unity,¹⁶ if it is associative and accidental, it forms a subjective unity. “Qualitative unity” refers to

¹⁵ Günter Zöllner offers a similar understanding of apperception. In his view, subjective apperception, which is both identical and intersubjective in nature, is necessary for identifying objective mechanisms of cognition (Zöllner, 2015, p. 145).

¹⁶ Objective unity can also be mathematical (unity of the objects of intuition) and dynamic (unity of coexistence of the objects of intuition with regard to one another) (*KrV*, B 110; Kant, 1998, p. 215).

обходимый характер, она образует объективное единство¹⁶, если ассоциативный, случайный — субъективное. Качественное единство относится к объектам и предполагает единство сочетания и согласования данных относительно их познания. Иными словами, объектом является то, что не зависит от субъекта и познается всеми одинаково. Нумерическое единство сознания, напротив, относится только к субъекту и состоит в возможности осознания численного тождества нас самих в отношении всех представлений. Когда мы привносим единство в процесс познания, оно имеет синтетический характер; когда мы осознаем привнесенное ранее единство, оно, соответственно, обладает аналитической природой. Наконец, если единство сознания позволяет осознать априорные условия познания, оно считается трансцендентальным.

Проясним в общих чертах роль представленных единств сознания в решении *наиболее трудной* задачи «Критики». Мы уже выяснили, что познание предметов предполагает получение множества данных и их определенную организацию. Так же наш повседневный опыт показывает нам, что вокруг нас есть одни и те же объекты и отношения между ними (качественное единство объектов). С кантовской точки зрения, это означает лишь одно: мы привносим в эти представления всеобщее и необходимое синтетическое единство. Но что позволяет нам это делать? Единство сознания и категории. Для доказательства этого тезиса Кант выстраивает определенную цепочку рассуждений. Вначале он обращает наше внимание на то, что мы способны в процессе познания осознавать свое тождество относительно других представлений (нумерическое единство чистой изначальной апперцепции). Это положение является аналитическим (аналитическое единство апперцеп-

objects and presupposes a unity of combination and concord of data in terms of their cognition. In other words, the object is what does not depend on the subject and is universally understood in the same way. “Numerical unity” of consciousness, on the contrary, refers only to the subject and consists in the capacity to become conscious of numerical identity of ourselves with regard to all the representations. When we introduce unity in the cognition process it has a synthetic character; when we become conscious of unity introduced earlier, it possesses an analytical character. Finally, if unity of consciousness makes it possible to become conscious of *a priori* conditions of cognition, it is considered to be transcendental.

Let us sketch out the role of the above unities of consciousness in solving *the most difficult* task of the *Critique*. We have already established that the cognition of objects involves obtaining a multitude of data and a certain organisation of the data. Our daily experience also shows us that we are surrounded by the same objects and the relations between them (qualitative unity of objects). From Kant’s point of view this means only one thing: we are introducing these representations into a universal and necessary unity. What enables us to do so? The unity of consciousness and categories. To prove this thesis Kant presents a chain of reasoning. First he draws our attention to the fact that we are able, in the process of cognition, to be conscious of our identity with regard to other representations (numerical unity of pure initial apperception). This thesis is analytic (analytic unity of apperception) and enables us to reveal the *a priori* ground of cognition (transcendental unity of apperception). It lies in the fact that if we are conscious of a multitude of representations in one consciousness they must be interconnected in the framework of one apperception (synthetic unity of apper-

¹⁶ Объективное единство может быть также математическим (единство предметов созерцания) и динамическим (единство сосуществования предметов созерцания по отношению друг к другу) (В 110; Кант, 2006б, с. 177).

ции) и позволяет выявить априорное основание познания (трансцендентальное единство апперцепции). Оно состоит в том, что, если мы осознаем множество представлений в одном сознании, они должны быть связаны между собой в рамках одной апперцепции (синтетическое единство апперцепции). Объединение представлений может быть случайным, субъективным (эмпирическое единство апперцепции) или объективным (объективное единство апперцепции). В первом случае единство задается эмпирическими условиями, во втором — категориями. Следовательно, именно категории приносят объективное единство в представления и необходимым образом организуют их, делая возможным познание объекта.

Итак, апперцепция используется Кантом в лейбницианском смысле и обозначает нашу способность в процессе познания сознавать единство сознания. Так как единство отличается большим разнообразием, Кант использует соответствующие наименования апперцепции. Аналогом латинского термина *Apperzeption* выступает немецкое слово *Selbstbewußtsein*.

(с) *Самосознание как осознание себя.* Данное значение понятия «самосознание» мы можем встретить при рассмотрении вопроса о возможности познания себя, то есть субъекта или души. Если проводить параллель с познанием внешних объектов, мы обнаружим здесь как сходные черты, так и особенности. Во-первых, нам недоступны вещи сами по себе, и трансцендентальный субъект не является исключением. Несмотря на то что в докритический период Кант считал возможным интеллектуальное созерцание, на страницах «Критики» его позиция однозначна: мы не имеем и не можем иметь никакого знания о реальном субъекте (A 350; Кант, 2006а, с. 443; B 404; Кант, 2006б, с. 517). Во-вторых, в познании как внешних объектов, так и самих себя мы должны соблюдать ключевое правило критической философии: сохранять различие между чувственностью и рассудком. Иными словами, самосознание распадается на чувственное и рассудочное (B 155;

ception). Unification of representations may be accidental, subjective (empirical unity of apperception) or objective (objective unity of apperception). In the former case unity is imposed by empirical conditions and in the latter case by categories. Consequently, it is categories that introduce objective unity into representations and organise them in the necessary way to make cognition of the object possible.

Thus, Kant uses “apperception” in the Leibnizian sense to refer to our ability, in the process of cognition, to be aware of the unity of consciousness. Because unity is very diverse, Kant uses corresponding names of apperception. An analogue of the Latin term *Apperzeption* is the German word *Selbstbewußtsein*.

(c) *Self-consciousness as consciousness of oneself.* We may encounter this meaning of “self-consciousness” when considering the possibility of cognising oneself, that is, the subject or the soul. To draw a parallel with the cognition of external objects, we find here both similarities and distinctions. First, things in themselves are inaccessible, the transcendental subject not being an exception. Although in the pre-critical period Kant believed intellectual intuition to be possible, his position in the *Critique* is unambiguous: we do not have and cannot have any knowledge of the real subject (*KrV*, A 346 / B 404; Kant, 1998, p. 414; *KrV*, A 350, Kant, 1998, p. 417). Second, as in cognising external objects, in cognising ourselves we must comply with the key rule of critical philosophy: to preserve the distinction between sensibility and understanding. In other words, self-consciousness splits into sensible and intellectual (*KrV*, B 155; Kant, 1998, p. 258; *Anth*, AA 07, p. 134; Kant, 2007, p. 246), therefore everything we can learn about our soul must be learned through the organising activity of these cognitive faculties. Third, Kant distinguishes “self-cognition” (*Selbsterkenntnis* / *Erkenntnis*

Кант, 2006б, с. 231; AA 07, S. 134; Кант, 1994а, с. 150), поэтому всё, что мы можем узнать о нашей душе, должно осуществляться через организующую деятельность этих познавательных способностей. В-третьих, Кант разделяет самопознание (*Selbsterkenntnis* / *Erkenntnis seiner selbst*) и самосознание (*Selbstbewußtsein*) (B 158; Кант, 2006б, с. 233), отмечая ограниченность или даже невозможность первого. Так как первые две особенности в определенной степени были рассмотрены выше, нам остается коротко исследовать последнюю. Ее можно переформулировать в виде двух вопросов: почему мы способны себя осознавать, но не познавать? и что осознает наша душа о самой себе?

Начну с чувственного самосознания¹⁷, или внутреннего чувства. Под ним Кант понимает созерцание наших внутренних состояний и нас самих (B 49; Кант, 2006б, с. 109). Формой, посредством которой дается и упорядочивается внутренне чувство, является время. Следовательно, самосозерцание возможно только как осознание душой своих внутренних чувственных представлений при их темпоральной организации. Как оно осуществляется? Кант отмечает, что здесь налицо парадокс. Он состоит в том, что чувственное самосознание имеет одновременно пассивный и активный характер, так как реализуется через самоаффицирование. Проясню этот момент. Так как нам недоступно непосредственное сознание самих себя, то единственным источником знаний о себе является внутреннее восприятие. Оно, в свою очередь, возможно при двух условиях: если чувственность доставляет нам многообразное о нас самих и если мы можем его осознать¹⁸ (то

¹⁷ Данный вид самосознания Кант обозначает разными терминами: «сознание схватывания», «внутреннее чувство», «эмпирическая апперцепция», «самосозерцание».

¹⁸ С позиции Канта, мы не можем осознать многообразное, если оно не связано и не подведено под единство апперцепции. В противном случае все будет находиться в хаотическом смешении до такой степени, что мы не сможем определить ни одного объекта. Таким образом, выстраивается следующая последовательность. Мы сознаем объекты, если различаем их. Но чтобы различать данные, исходящие от объектов, они должны быть связаны и объединены в рамках одного сознания (см.: Васильев, 2010, с. 351).

seiner selbst) and “self-consciousness” (*Selbstbewußtsein*) (*KrV*, B 158; Kant, 1998, p. 260), noting that the former is limited and even impossible. The first two features having been discussed earlier, it remains to take a look at the last one. It can be reformulated in the shape of two questions: Why are we able to be conscious of but not to cognise ourselves? What does our soul know about itself?

Let us start with sensible self-consciousness,¹⁷ or the inner feeling. Kant interprets it as intuition of our inner states and ourselves (*KrV*, B 49; Kant, 1998, p. 180). The form through which the inner feeling is given and ordered is time. Consequently, self-intuition is only possible as intuition by the soul of its inner sensible representations organised in time. How is this done? Kant notes a paradox. Sensible self-consciousness is simultaneously passive and active as it is realised through self-intuition. Let us clarify this point. Since immediate consciousness of ourselves is inaccessible to us, the only source of knowledge about the self is inner perception. The latter, in turn, is possible on two conditions: if sensibility carries diverse information about ourselves and if we can be conscious of it¹⁸ (i.e. survey, gather and connect data in one representation). In the former case we have intuition of sensibility of a passive subject on the part of a transcendental subject and in the latter case on the part of understanding. Thus, we are able to intuit ourselves only as a phenomenon and only through self-intuition (*KrV*, B 156; Kant, 1998, p. 259). Here we

¹⁷ Kant uses various terms to denote this type of self-consciousness: “apprehension”, “inner sense”, “empirical apperception”, “self-intuition”.

¹⁸ From Kant’s point of view we cannot comprehend the manifold if it is not connected with and subordinated to the unity of apperception. Otherwise everything would be intermixed so chaotically as to make it impossible to determine a single object. The following sequence thus forms itself: We are conscious of objects if we distinguish them. But to be distinguished data emanating from objects must be connected and unified within one consciousness (cf. Vasilyev, 2010, p. 351).

есть обозреть, собрать и связать данные вместе в одном представлении). В первом случае мы будем иметь аффицирование чувственности пассивного субъекта со стороны трансцендентального субъекта, во втором — со стороны рассудка. Следовательно, мы способны созерцать себя только как явление и только через самоаффицирование (В 156; Кант, 2006б, с. 231). Здесь прослеживается параллель с восприятием внешних объектов, однако она проявляется не во всем. Время как единственная форма внутреннего созерцания не позволяет обнаружить в нас нечто неизменное и сохраняющееся, а только смену определений (А 381; Кант, 2006а, с. 477). Таким образом, нам недоступно априорное синтетическое познание души. Как говорит Кант, это примечательное различие между внутренним чувством и внешним.

Нам остается разобраться с рассудочным самосознанием, или чистой апперцепцией. Как было показано выше, чистую апперцепцию¹⁹ Кант рассматривает как априорное осознание души своего нумерического единства. Но что оно означает? С феноменальной точки зрения, речь идет о возможности сознания / самосознания себя в качестве общего субъекта всех возможных представлений (А 350; Кант, 2006а, с. 441; В 132; Кант, 2006б, с. 203). Именно его мы именуем «Я», «я мыслю» или «я есмь». Но интереснее и важнее функциональный взгляд на данный вопрос, так как он обращает наше внимание на то, как образуется тождество чистой апперцепции. В обоих изданиях Кант начинает свое объяснение с уже известного нам тезиса: тождество нашего Я возможно лишь при осознании души необходимого единства синтеза согласно понятиям, то есть правилам (А 108; А 112; В 134; В 135). Но почему синтезирующая деятельность рассудка образует нумерическое единство чистой апперцепции? Видимо, из-за того, что синтез осознается нами как некое единое действие мышления (А 108; Кант, 2006а, с. 159; В 153; Кант, 2006б, с. 227), или тождество

¹⁹ В первом издании Кант так определяет чистую апперцепцию: «...полное тождество самого себя при всех возможных представлениях» (А 116; Кант, 2006а, с. 167).

can see a parallel with the perception of external objects; however, it is not manifested in everything. Time as the only form of inner intuition does not permit us to discover in ourselves something immutable and lasting, but only a change of definitions (*KrV*, A 381; Kant, 1998, p. 432). Thus, *a priori* synthetic cognition of the soul is inaccessible to us. As Kant notes, this is a remarkable difference between inner and external feeling.

It remains to look at self-consciousness in the understanding or pure apperception. As indicated above, Kant sees pure apperception¹⁹ as the soul's consciousness of its numerical unity. But what does it mean? From the phenomenal point of view this has to do with the possibility of consciousness/self-consciousness of oneself as a general subject of all possible representations (*KrV*, A 350; Kant, 1998, p. 416; *KrV*, B 132; Kant, 1998, p. 247). We refer to it as "I" ("I think", "I am"). But a functional view of the issue is more interesting and important because it draws our attention to the way identity of pure apperception is formed. In both editions Kant starts his exposition with the familiar thesis: the identity of Self is only possible when the soul is aware of the necessary unity of synthesis according to concepts, that is, rules (A 108, A 112, B 134, B 135). But why does synthesizing activity of the understanding form numerical unity with pure apperception? Apparently because we perceive synthesis as a single act of thinking (*KrV*, A 108; Kant, 1998, p. 233; *KrV*, B 153; Kant, 1998, p. 257), or as identity of the functions of synthesis (*KrV*, A 108; Kant, 1998, p. 233). However, this statement also calls for elucidation. What does the given unity of the activity of the understanding consist in? It is the common form of cognitive activity of objects (A 129, A 363, A 382, B 404, B 406), in other words, one and the same method by which

¹⁹ In the first edition Kant thus defines pure apperception: "[...] the thoroughgoing identity of oneself in all possible representations [...]" (*KrV*, A 116; Kant, 1998, p. 237).

функций синтеза (А 108; Кант, 2006а, с. 157). Но и эта мысль требует пояснения. В чем состоит данное единство деятельности рассудка? Это — единая форма познавательной деятельности предметов (А 129; А 363; А 382; В 404; В 406), иными словами, один и тот же способ, каким многообразное в чувственных представлениях относится к одному сознанию. Следовательно, чистую апперцепцию нужно рассматривать не как сознание себя, а как осознание спонтанной и законосообразной деятельности рассудка, которая тождественным способом связывает и придает единство всем представлениям²⁰. Такое понимание полностью снимает вопрос о тождестве апперцепции и рассудка, заявленном Кантом во втором издании «Критики» (В 134 Anm.; Кант, 2006б, с. 205 примеч.).

Не вызывает сложности и проблема самопознания. Для получения априорных синтетических знаний о душе недостаточно осознания в чистой апперцепции ее тождественной деятельности. Познание как внешних объектов, так и самого себя предполагает не только осознанное мышление, но и созерцание многообразного, через которое дается объект. Если мы нарушаем это правило и тем самым гипостазируем единство мышления, получаются ложные метафизически умозаключения о душе (паралогизмы).

Итак, относительно сознания себя мы обладаем двумя видами представлений: внутренним чувством и чистой апперцепцией. Несмотря на то что Кант называет их самосознанием (или апперцепцией), это разные и не сводимые друг к другу виды. В первом случае мы сознаем, как субъект является нам, во втором — как он одним и тем же образом (то есть тождествен-

²⁰ Такое понимание кантовской апперцепции можно обнаружить уже у Фихте. Этот же взгляд разделяют и многие современные исследователи: К. Серк-Хансен (Serck-Hanssen, 2008, p. 148), К. Америкс (Ameriks, 2000a, p. 241), Г. Эллисон (Allison, 1983, p. 144), П. Китчер (Kitcher, 2015, p. 281) и др. Таким образом, апперцепция является не сознанием себя, а сознанием условий, которые позволяют сознавать внутренние и внешние объекты (Соболева, 2018, с. 137).

sense manifold relates to one consciousness. Thus, pure apperception should be interpreted not as consciousness of oneself, but as consciousness of spontaneous and law-governed activity of the understanding which, by an identical method, links and confers unity on all representations.²⁰ This interpretation eliminates the question of identity of apperception and understanding stated by Kant in the second edition of the *Critique* (*KrV*, В 134n; Kant, 1998, p. 247n).

The problem of self-cognition also presents no challenges. To obtain *a priori* synthetic knowledge about the soul it is not enough to be conscious in pure apperception of its identical activity. Cognition of external objects as well as of the self implies not only conscious thinking, but intuition of the manifold through which the object is given. If we break this rule and thus hypostasise the unity of thinking we get metaphysically false judgments about the soul (paralogisms).

Thus, we have two types of representations concerning consciousness of ourselves — inner feeling and pure apperception. Although Kant refers to them as self-consciousness (or apperception) these are different and not coextensive types. In the former case we are conscious of how the subject is presented to us and in the latter case of how, by one and the same method (i.e. identically) it intellectually organises representations. Thus, we have before us totally different objects of consciousness: the soul and its intellectual activity. It is only by a stretch that we can refer to the latter as “I”.

²⁰ We find this interpretation of Kant’s apperception already in Fichte. This view is shared by many modern scholars: C. Serck-Hanssen (2008, p. 148), K. Ameriks (2000a, p. 241), H. Allison (1983, p. 144), P. Kitcher (2015, p. 281) and others. Apperception, then, is not consciousness of oneself, but consciousness of the condition which permits being conscious of inner and external objects (Soboleva, 2018, p. 137).

но) рассудочно организует представления. Получается, что перед нами совершенно разные объекты осознания: душа и ее рассудочная деятельность. Называть последнюю «Я» можно только условно.

Заключение

Для разрешения вопроса о том, каким образом соотносятся апперцепция, сознание и самосознание, было необходимо, во-первых, эксплицировать назначение каждой из этих способностей и, во-вторых, установить четкий и ясный характер их отношений друг к другу. Текстологический анализ определений и контекстов использования понятий сознания, самосознания и апперцепции не дает нужных результатов, более того — запутывает. Причина проста: Кант не использует рассматриваемые понятия однозначно и последовательно. Поэтому способом решения двух возникших задач был выбран функционально-проблемный метод. Его суть сводится к выяснению функциональной роли сознания, самосознания и апперцепции в решении ключевых проблем первой «Критики». По итогам его применения можно сделать следующие выводы.

(1) Сознание является рефлексивной познавательной способностью, которая выполняет три важные функции: открывает доступ к представлениям в нашей душе, позволяет их различать, а также привносить в них единство, объединяя в одно представление.

(2) Самосознание выступает способом функционирования сознания: позволяет исследовать представления, находящиеся в нашей душе. В этом смысле самосознание полностью совпадает с сознанием. Однако ключевыми объектами, в отношении которых Кант использует способность самосознания (или, соответственно, сознания), являются синтетическое единство представлений и душа. То есть самосознание (или сознание) позволяет сознавать нас самих и нашу познавательную деятельность.

Conclusion

To solve the question of how apperception, consciousness and self-consciousness relate to one another it was necessary, first, to explicate the purpose of each of these faculties and second, to establish a clear-cut character of their inter-relationship. Textological analysis of definitions and contexts of the use of the terms “consciousness”, “self-consciousness” and “apperception” is futile, and indeed confusing. The reason for this is simple: Kant does not use these concepts univocally or consistently. Therefore, I chose the functional-problem method to accomplish the two tasks that have cropped up. It basically seeks to clarify the functional role of consciousness, self-consciousness and apperception in solving the key problems in the first edition of the *Critique*. The use of this method yielded the following conclusions.

1. Consciousness is a reflective cognitive faculty which performs three important functions: it gives access to representations in our soul, allows us to distinguish them and to introduce unity by combining them into one representation.

2. Self-consciousness is a method of the functioning of consciousness: it makes it possible to investigate the representations that reside in our soul. In that sense self-consciousness is coextensive with consciousness. But the key objects with regard to which Kant uses the faculty of self-consciousness (or, accordingly, consciousness) are synthetic unity of representations and soul. In other words, self-consciousness (or consciousness) makes it possible to be conscious of ourselves and of our cognitive activity.

3. Apperception, in turn, is a sort of self-consciousness. Its distinctive feature is that it focuses on becoming conscious of and investigating the unity of our representations. Because Kant distinguishes many types of unity, there are different names for apperception. The key types are

(3) Апперцепция, в свою очередь, является видом самосознания. Её особенность состоит в том, что она фокусируется на осознании и исследовании единства наших представлений. Так как Кант различает множество видов единства, имеются, соответственно, разные наименования апперцепции. К ключевым видам относятся апперцепция спонтанной активности рассудка и апперцепция внутреннего чувства. Несмотря на то что оба варианта самосознания Кант именуется одним термином и связывает с определенным видом единства, они относятся к совершенно разным объектам сознания. В первом случае речь идет об осознании единства синтетической деятельности рассудка, то есть правил, посредством которых мышление связывает и подводит под единство множество представлений. Во втором — о субъективном и темпорально организованном единстве внутреннего чувства, то есть того, как душа нам является.

(4) Использование Кантом понятия *Apperzeption* в качестве аналога понятию «самосознание» (*Selbstbewußtsein*) объясняется историко-философской спецификой. Невзирая на новизну и революционность некоторых критических положений, кёнигсбергский философ разрабатывает собственные концепции сознания и самосознания в рамках лейбнице-вольфианской традиции.

Список литературы

- Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). М. : Наследие, 1998.
- Васильев В.В. Трансцендентализм Канта и вольфианская психология // Историко-философский ежегодник — 2004. М. : Наука, 2005. С. 238—249.
- Васильев В.В. Философская психология в эпоху Просвещения. М. : Канон+, 2010.
- Васильева М.Ю. Кант и Беркли: сходство или различие? // Кантовский сборник. 2009. № 1 (29). С. 30—38.

apperception of the spontaneous activity of the understanding and apperception of the inner feeling. Although Kant uses the same term for both types of self-consciousness and identifies them with a particular type of unity, they belong to totally different objects of consciousness. In the former case we speak about consciousness of the unity of the synthetic activity of understanding, i.e. rules whereby thinking links and imposes unity on a multitude of representations. In the latter case we speak about subjective a temporally organised unity of the inner feeling, that is, of how the soul presents itself to us.

4. Kant's use of the term *Apperzeption* as a synonym of self-consciousness is due to historical-philosophical reasons. In spite of the novelty and revolutionary character of some of his critical propositions, Kant develops his concepts of "consciousness" and "self-consciousness" in the framework of the Leibniz-Wolffian tradition.

References

- Allison, H., 1983. *Kant's Transcendental Idealism*. New Haven: Yale University Press.
- Ameriks, K., 2000a. *Kant and the Fate of Autonomy: Problems in the Appropriation of the Critical Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ameriks, K., 2000b. *Kant's Theory of Mind*. Oxford: Clarendon Press.
- Brook, A., 1994. *Kant and the Mind*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Guyer, P., 1987. *Kant and the Claims of Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heßbrüggen-Walter, S., 2004. *Die Seele und ihre Vermögen. Kants Metaphysik des Mentalen in der Kritik der reinen Vernunft*. Paderborn: Mentis.
- Izmailov, G., 2005. Leibniz and Kant: to the Question of Apperception. In: *Forum molodykh kantovedov (Po materialam Mezhdunarodnogo kongressa, posvjashhennogo 280-letiju so dnja rozhdenija i 200-letiju so dnja smerti Immanuila Kanta)* [Forum of Young Kant Scholars (Collected Papers of the International Congress on the 280th Anniversary of the Birth and 200th Anniversary of the Death of Immanuel Kant)]. Moscow: Institute of Philosophy RAS, pp. 53-59 [online] Available at: <https://iphras.ru/page50843406.htm> [Accessed 20 March 2020] (In Rus.)

Измайлов Г. Лейбниц и Кант: к вопросу об апперцепции // Форум молодых кантоведов (По материалам Международного конгресса, посвященного 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти Иммануила Канта). М. : ИФ РАН, 2005. С. 53–59. URL: <https://iphras.ru/page50843406.htm> (дата обращения: 20.03.2020).

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А.В. Гулыги. М. : Чоро, 1994а. Т. 7. С. 137–376.

Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А.В. Гулыги. М. : Чоро, 1994б. Т. 2. С. 278–320.

Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*) / отв. ред., вступ. ст. В.А. Жучкова ; пер. с нем., коммент. В.В. Васильева, С.А. Чернова. М. : Прогресс-Традиция, 2000.

Кант И. Критика чистого разума. 1-е изд. (А) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006а. Т. 2, ч. 2.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006б. Т. 2, ч. 1.

Круглов А.Н. Был ли у Канта трансцендентальный субъект? // Историко-философский ежегодник – 2004. М. : Наука, 2005. С. 279–295.

Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме / пер. с фр. Н.А. Иванцова // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 1. С. 404–413.

Лейбниц Г.В. Письмо Софии-Шарлотте (о том, что независимо от чувств и материи) / пер. с фр. В.П. Преображенского // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1984. Т. 3. С. 371–385.

Майоров Г.Г. Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. М. : Издательство Московского университета, 1973.

Соболева М.Е. Как читать Канта, или Кант в контексте современных эпистемологических дискуссий в западном аналитическом кантоведении // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 129–140.

Allison H. Kant's Transcendental Idealism. New Haven : Yale University Press, 1983.

Ameriks K. Kant and the Fate of Autonomy: Problems in the Appropriation of the Critical Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 2000a.

Ameriks K. Kant's Theory of Mind. Oxford : Clarendon Press, 2000б.

Brook A. Kant and the Mind. Cambridge : Cambridge University Press, 1994.

Kant, I., 1992. *On the Form and Principles of the Sensible and Intelligible World*. In: I. Kant, 1992. *Theoretical Philosophy, 1755-1770*. Translated and edited by D. Walford, in collaboration with R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 373-416.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2004. *Prolegomena to any Future Metaphysics that Will Be Able to Come Forward as Science*. Translated and edited by G. Hatfield. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2005. *Notes and Fragments*. Edited by P. Guyer, translated by C. Bowman, P. Guyer and F. Rauscher. New York & Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2007. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Translated and edited by R.B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press.

Kitcher, P., 2015. *Bewusstsein*. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin, Hg. 2015. *Kant-Lexikon, Band 1*. Berlin & Boston: De Gruyter, pp. 281-285.

Krouglov, A.N., 2005. Did Kant have a transcendent subject? In: *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2004 [History of Philosophy Yearbook 2004]*. Moscow: Nauka, pp. 279-295. (In Rus.)

Leibniz, G.W., 1989a. On What is Independent of Sense and of Matter (Letter to Queen Sophia Charlotte of Prussia, 1702). In: G.W. Leibniz, 1989. *Philosophical Papers and Letters. A Selection*. Translated and edited, with an Introduction, by L.E. Loemker, 2nd Edition. Dordrecht, Boston & London: Kluwer Academic Publishers, pp. 547-554.

Leibniz, G.W., 1989b. The Principles of Nature and of Grace, based on Reason (1714). In: G.W. Leibniz, 1989. *Philosophical Papers and Letters. A Selection*. Translated and edited, with an Introduction, by L.E. Loemker, 2nd Edition. Dordrecht, Boston & London: Kluwer Academic Publishers, pp. 636-643.

Mayorov, G.G., 1973. *Teoreticheskaya filosofiya Gottfrieda W. Leibniza [Theoretical Philosophy of Gottfried W. Leibniz]*. Moscow: Moscow State University Press. (In Rus.)

Rosefeldt, T., 2000. *Das logische Ich. Kant über den Gehalt des Begriffes von sich selbst*. Berlin: Philo.

Serck-Hanssen, C., 2008. Kant on Consciousness. In: S. Heinämaa and M. Reuter, eds. 2008. *Psychology and Philosophy. Inquiries into the Soul from Late Scholasticism to Contemporary Thought*. Dordrecht: Springer, pp. 139-157.

Guyer P. Kant and the Claims of Knowledge. Cambridge : Cambridge University Press, 1987.

Hefßbrüggen-Walter S. Die Seele und ihre Vermögen. Kants Metaphysik des Mentalen in der "Kritik der reinen Vernunft". Paderborn : Mentis, 2004.

Kitcher P. Bewusstsein // Kant-Lexikon / Hrsg. M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. Bd. 1. S. 281–285.

Rosefeldt T. Das logische Ich. Kant über den Gehalt des Begriffes von sich selbst. Berlin : Philo, 2000.

Serck-Hanssen C. Kant on Consciousness // Psychology and Philosophy. Inquiries into the Soul from Late Scholasticism to Contemporary Thought / ed. by S. Heinämaa, M. Reuter. Dordrecht : Springer, 2008. P. 139–157.

Strawson P. The Bounds of Sense. An Essay on the «Critique of Pure Reason». L. : Routledge, 1966.

Wolff Ch. Vernünftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, Auch allen Dingen überhaupt. 3. Aufl. Halle : Renger, 1725.

Wunderlich F. Kant und die Bewußtseinstheorien des 18. Jahrhunderts. Berlin ; N. Y. : De Gruyter, 2005.

Zöller G. Selbstbewusstsein // Kant-Lexikon / Hrsg. M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015a. Bd. 3. S. 2065–2070.

Zöller G. Apperzeption // Kant-Lexikon / Hrsg. M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015b. Bd. 1. S. 145–150.

Об авторе

Илья Евгеньевич Андриянов, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: ich_andr@mail.ru

Для цитирования:

Андриянов И.Е. Проблема соотношения апперцепции, самосознания и сознания в критической философии И. Канта // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 3. С. 24–53.

doi: 10.5922/0207-6918-2020-3-2

Soboleva, M.E., 2018. How Do We Read Kant, or Kant in the Context of Contemporary Epistemological Discussions in Western Analytic Kant-Studies. *Voprosy Filosofii*, 3, pp. 129-140. (In Rus.)

Strawson, P., 1966. *The Bounds of Sense. An Essay on the Critique of Pure Reason*. London: Routledge.

Vasilyev, V.V., 1998. *Podvaly kantovskoi metafiziki (deduktsiia kategorii) [Basements of Kant's Metaphysics: Deduction of the Categories]*. Moscow: Nasledie. (In Rus.)

Vasilyev, V.V., 2005. Kant's Transcendentalism and Wolfian Psychology. In: *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2004 [History of Philosophy Yearbook 2004]*. Moscow: Nauka, pp. 238-249. (In Rus.)

Vasilyev, V.V., 2010. *Filosofskaia psikhologiya v epokhu Prosveshcheniya [Philosophical Psychology in the Age of Enlightenment]*. Moscow: "Kanon+" ROOI Reabilitatsiya. (In Rus.)

Vasilyeva, M.Y., 2009. Kant and Berkeley: Similarity or Difference? *Kantian Journal*, 1(29), pp. 30-38. (In Rus.)

Wolff, C., 1725. *Vernünftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, Auch allen Dingen überhaupt*. 3. Auflage. Halle: Renger.

Wunderlich, F., 2005. *Kant und die Bewußtseinstheorien des 18. Jahrhunderts*. Berlin & New York: De Gruyter.

Zöller, G., 2015a. Selbstbewusstsein. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin, Hg. 2015. *Kant-Lexikon, Band 3*. Berlin & Boston: De Gruyter, pp. 2065-2070.

Zöller, G., 2015b. Apperzeption. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin, Hg. 2015. *Kant-Lexikon, Band 1*. Berlin & Boston: De Gruyter, pp. 145-150.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Iliia E. Andriianov, M.A., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: ich_andr@mail.ru

To cite this article:

Andriianov, I.E., 2020. The Problem of the Relationship between Apperception, Self-Consciousness and Consciousness in Kant's Critical Philosophy. *Kantian Journal*, 39(3), pp. 24-53.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2020-3-2>